

Анатолий Цирульников

Черкесские сады, или Плач под лезгинку

Фрагменты романа-исследования

«Край, в котором так странно соединяются две
самые противоположные вещи: война и свобода».

Л.Н.Толстой

Сведения об Адыгее скудны и разбросаны, даже в Википедии их непривычно мало. В школьном учебнике отечественной истории Адыгеи вообще нет.

Вот куцая справка. Составлена из разных источников.

Республика Адыгея (адыг. Адыгэ Республик) — образована в 1922 г. как Черкесская (Адыгейская) автономная область, с 1929 г. — автономная республика, с 1991 г. — субъект Российской Федерации в составе Южного федерального округа.

Площадь — 7600 кв. км. Единственный регион России, со всех сторон окруженный территорией другого региона — Краснодарского края.

Адыгея расположена в центральной части Северо-Западного Кавказа, в бассейнах рек Кубани, Лабы и Белой. Климат умеренно теплый. 40 % территории — широколиственные леса. Север — равнина, юг — предгорья и горы Большого Кавказа (высота отдельных вершин до 3255 м). 30% территории — особо охраняемые объекты природы.

Большие запасы минеральных и термальных вод. Недра богаты полезными ископаемыми, в том числе нефтью, есть проявления серебра и золота.

Природно-климатические условия способствуют произрастанию южных культур: персик, черешня, кизил, айва, груша, виноград, чай.

Население (по данным 2017 г.) — 453, 4 тыс. чел. Русских 64%, адыгов 26%, в республике живут также армяне, украинцы, курды, татары, цыгане, азербайджанцы, белорусы.

Административный центр — г.Майкоп. На территории Адыгеи десятки тысяч памятников культуры, среди культурных и научных центров — два университета, восемь государственных музеев, шесть театров и национальных ансамблей.

Цирульников Анатолий Маркович — ученый и писатель, академик Российской академии образования, доктор педагогических наук, профессор. Автор оригинальных трудов по истории школьных реформ, этнокультурным проблемам образования, развитию инноваций, проблемам сельской школы. И страстный путешественник. Много лет, читая его очерки в «ДН», наши читатели путешествуют по самым отдаленным уголкам России. В 2010 году он стал лауреатом специальной премии нашего журнала «От Урала до Дуная».

Последняя публикация в «ДН» — 2017, № 8, 9.

Странно: курганы, древняя культура — и так мало исторических комментариев. Да и среди населенных пунктов преобладают казацкие станицы с русскими названиями.

Что тут было раньше? Куда делось?

Я даже не отдавал себе отчета, что еду к воротам Кавказа, как издавна называли Черкессию.

В этой книге — она не дневник, а скорее, документальный роман-исследование, который складывается из рассказов разных встречных, спутников, наблюдателей, очевидцев и прямых участников описываемых событий — приходилось соединять две разные геометрии.

Одна — линейная (война, истребление народа и его страны) — проходит штрих-пунктиром. Другая — мир, свобода, надежда — нелинейна по определению. Она — нагромождение разных миров, в ней пульсируют неопределенность, сложность и разнообразие быта и бытия — качеств, без которых невозможна жизнь.

Первый камень на пути

Не сразу открывается путешественнику новое место. По брызгам, слоям, песчинкам. По тени и свету. По отражению в воде, голосам людей...

В этой открывающейся постепенно стране должен быть гостеприимный хозяин. Опекун, проводник, носитель смысла места. Таковым оказался для меня не седобородый старец, а стройный интересный молодой человек, Махмуд Каратабан. То, что он заместитель министра образования и науки Республики Адыгея, никак не отражается на его облике и поведении. До этого он был министром (председателем Комитета по делам молодежи), и, наблюдая за Махмудом, я убедился, что это тот редкий счастливый случай, когда человек не принимает форму кресла, в котором сидит. Скорей, наоборот...

Я думал, что от Краснодара до Адыгеи долгий путь, но оказалось, тут все рядом. Махмуд повез меня из аэропорта в аул Тлюстенхабль, перекусить с дороги и погрузиться в местные реалии.

Они таковы: республика со всех сторон окружена Краснодарским краем, но живет своей жизнью. В ауле, куда мы отправились, два памятника, один государственный, а другой частный, поставленный товарищем Махмуда. Мы проезжаем мимо водохранилища, Кубанского моря, его вырыли после того, как первый секретарь крайкома КПСС Медунов пообещал Брежневу миллион тонн кубанского риса. Стройка века стала долгостроем. А потом Советский Союз пропал, и вместе с ним — моря и миллионы.

Чуть в сторону от Краснодара — и уже Адыгея. Еще совсем недавно школьные учителя истории могли рассказывать ученикам то, что сегодня опять становится невозможным.

«В период русско-кавказской войны, когда воевали за расширение территории России, за теплое море, — просвещал меня Махмуд по дороге, — жил султан Хан Гирей, адыгский писатель, историк, этнограф. Известный тем, что хотел предложить императору мирный сценарий присоединения. Но оказалось — не актуально. Пытался сделать что-то между молотом и наковальней.

Поселок еще известен тем, — заметил Махмуд, когда мы подъехали к аулу, — что здесь тюрьма».

В тюрьму мы заезжать не стали, но вот то, что соорудил школьный товарищ Махмуда, историк, юрист и археолог Ибрагим Джанхот, я увидел.

Простой камень, на нем выбито: «Тлюстенхабль. Основан в 1399 году...»

Сад Аслана Негуча

Аслан его не выкупил, а собственноручно вырастил. Он был инженером-гидростроителем, работал в разных местах. А потом СССР развалился, и бывший первый секретарь сказал: давай в нашу команду. Нет, решил Аслан, я сам. «И мы сразу предприятие создали. Я здесь и ночью часто. Это мой дом».

Что за дом?

В девяносто третьем году Аслан Негуч неожиданно разбогател — получил участок: мусорный карьер.

Засучил рукава и взялся за дело. Убирал мусорную свалку, привозил землю, рекультивировал. Сажал деревья: пихту, ель канадскую, у нее запах лимонный, нежный, сливу «курамби» — она хороша с сахаром для десерта... И так, говорит, постепенно, постепенно вырос сад.

Аслан принял нас у костра: стол на природе, мед, сладости.

1600 деревьев посадил.

— Вы что, садовник?

— Да нет, я и не знал, как их выращивать. Нашел специалиста и сажал по инструкции, копал и сажал...

Теперь в этом саду-парке — центр промыслов и ремесел Аслана Негуча. Проходят фестивали, дети и взрослые изготавливают музыкальные инструменты, трещотки, изучают родной и иностранные языки, а «дивчины, хлопцы малюют», — неожиданно говорит Аслан, переходя на украинскую мову, и становится похожим на моего старинного друга, учителя-художника и собирателя музея народного творчества Александра Ивановича Шевченко из села Прелестного. И живая ниточка из Адыгеи в Украину протягивается.

Аслан мастерит *ана* — вот такой (показывает) столик на трех ножках, устойчивый, из ясеня. А жена коллекционирует кукол...

«А слой народных мастеров сохранился?» — спрашиваю, не осознавая нелепости вопроса (правильнее спросить, сохранились ли вообще люди с той далекой войны).

На эту болезную тему в Адыгее не принято разговаривать, только мельком: «...Были большие мастера по дереву, по коже, по седлам... Я видел их фамилии, клейма...»

В конце прошлого века в России приняли закон о народных художественных промыслах. Когда Аслан начинал, такого закона не было. «Я властям дважды писал: "Хотя бы боком повернитесь к народным промыслам. Хотя бы боком. Не стойте спиной..."»

Но ждать ответа не стал — пошел со своими промыслами и ремеслами в училища, университеты. Стал искать заинтересованных людей. И нашел.

На фестиваль, который уже десять лет проводится в парке, собираются люди из разных районов Адыгеи.

В том году, когда я был тут, впервые приехали и дети из школы искусств, из интернатов. Мастера начали дружить.

Всех участников Аслан угощает бараниной, и мастера привозят национальные кушанья и бахсын — напиток на основе кукурузы с добавлением меда.

— Стол есть стол, а вынесешь на природу, — замечает Аслан, — другая окраска, другое впечатление...

В общем, собираются понемногу люди, помогают чем могут, кто кирпич положит, кто дерн.

В парке-саду устраивают выставки национального шитья, изделий из дерева, кожи. «Даже свадебную атрибутику из фундука делали, дивчина придумала, — рассказывает Аслан. — В целом маститых мастеров до ста человек наберется.

А молодых еще больше». — «Для Адыгеи это немало». — «Мало... Раньше каждая девушка, выходя замуж, умела орнамент делать. Кухонную утварь изготавливал мужчина, а женщина помогала. Вырезали из самшита. Гармошки делали...»

Я нарисовал в блокноте, что у него в этом парке-центре происходит. Концентрические круги: производства-ремесла, фестивали, обучение детей...

В пруду, который развел на своей территории Аслан, — карпы, толстолобики, белые амуры. «Раков много, — говорит. — Четыре года назад запустил, грунтовая вода, подпирает, — полно раков».

Аслан водит меня по своей обширной территории и показывает, что выросло. Фундук, грецкий орех. «Это птицы принесли, я не сажал», — признается он, как бы не желая брать на себя лишнее, отделяя сделанное от нерукотворного. Все остальное — его творение. Целый лесопарк вырос. Мне становится завидно. Или стыдно. Этот райский сад, и пруд, и фестивали, и народные промыслы, и дети — все это нам как бы укором: вот человек сделал, а ты нет, и что ты тогда делаешь, дружок, на этом свете?..

Каждый гость — от Бога

Заехали в дом, где готовились к семейному празднику, но это не помешало хозяевам принять гостей, приехавших по другому поводу. Нас ждали. Был накрыт стол со знаменитым адыгейским сыром: обычным и обжаренным со специями; со шипсом¹, с курицей и кукурузной пастой, которую макаешь в соус...

«Каждый гость от Бога», — говорит хозяин дома, предлагая попробовать мэтаз, его готовят из адыгейского сушеного сыра, копченного на солнце. Он легкий, раньше брали в походы.

— Кеблягь, — провозглашает он тост, означающий «с приездом», а если буквально: *стань родным, стань близким...*

Все очень строго в смысле соблюдения традиций: родители живут в одном доме с молодой семьей, но отец не встречается с невесткой.

За столом только мужчины: мы с Махмудом и хозяин дома с сыном. Хозяин Юсуф Аскерович прожил с женой сорок семь лет, сегодня ее день рождения. Работал когда-то на Дальнем Востоке, в Амурской области, но мы говорили не об этом.

— Мы считались великим народом, — с грустью сказал хозяин, имея в виду не только урезанную территорию. — В XIX веке оспу в России не умели лечить, а черкесы могли. Кефир не умели делать, а черкесы умели. В Европе еще только знакомились с привезенными из Америки индюками, а черкесы уже вывели свою породу и называли ее «тхачет» — бог куриц... Нас было больше миллиона, а сейчас тут сто тысяч. Но главное — не растерять того, что сохранилось...

Адыги-черкесы разбросаны по всему миру. В одной лишь Турции их живет 6 миллионов человек. В Сирии, Саудовской Аравии, в Косово, в Германии...

— Каким бы ни был Ельцин, — говорит хозяин дома, — мы его добрым словом поминаем. Он извинился перед черкесами...

Вот что помнит малый народ, истребленный и рассеянный большим. Не стройки века, не водохранилище на миллион тонн риса. А извинение, хотя бы и спустя полтора века. Но как же редко его приносят в России...

Фамилия хозяина Джанхот, это его сын установил памятник в ауле. «Черкес, когда рождается, сразу на пальцы становится, все на носках стоят, — говорит хозяин. — Танцорам пуанты делают, чтобы пальцы выдерживали, а тут — с рождения...»

¹ Шипс — густой мясной, овощной или молочный суп или соус — любимое и главное адыгейское блюдо, которое в научных трудах даже называют этномаркирующим.

— Это от семьи зависит, — замечает Махмуд.

— Нет, я думаю, это гены, — полагает Юсуф Аскерович. — Мне под семьдесят, а под хорошее настроение я, как любой черкес, лезгинку станцую. Там, где раньше жили... горы тому способствовали...

Хозяин дома смотрит куда-то вдаль поверх стола.

Дети солнца в сумраке истории

Древние предки адыгов жили в западном Предкавказье еще в каменном веке, а ко времени медного освоили культуру оседлого земледелия и скотоводства. В эпоху бронзы строили дольмены¹ и создали так называемую «Майкопскую культуру».

История адыгов связана с Боспорским царством, Византийской империей, Хазарским каганатом, античными и средневековыми торговыми и культурными центрами.

В конце XIX века при раскопках кургана Ошад под одиннадцатиметровой насыпью было обнаружено погребение с золотыми и серебряными сосудами, золотой диадемой, нашивными украшениями и бусами, золотыми скульптурными фигурками бычков... Курган датировали временем возникновения первых египетских царств: концом IV — началом III тыс. до н. э.

Сокровища этого кургана и других насыпей у старинных аулов хранятся в Государственном Эрмитаже и нескольких других крупнейших музеях. Как Атлантида, всплывает, встает огромная страна Черкесия.

Страну, что появилась между горами Фишт и Шугус, а затем в местности Тубы (верховья реки Белой), знали культурнейшие народы мира. Греческие города-колонии находят на адыгской земле. Античная мифология переплетается с нартским эпосом. На горе Фишт сохранился заметный с моря потек красного. Здесь был прикован Насрэн Джаче, адыгский Прометей...

Первым из известных письменных источников, где упоминается этноним «черкесы» («серкесут»), была монгольская хроника «Сокровенное сказание» (1240 год). Впоследствии слово «черкес» появляется в арабских, персидских и западноевропейских сочинениях, в русских летописях.

Сами черкесы называли себя адыге, в переводе с адыгского — «дети солнца»...

— Конечно, — говорит хозяин дома, — это болезненная тема, но куда денешься? Государственная политика есть государственная политика — русскому царю был нужен выход к морю. На Сирию сегодня смотришь — душа болит... Вот так и мы покидали свою родину.

У нас есть газета тех времен, там описано, как перегруженный турецкий корабль вывозит адыгов. Когда начался шторм, корабль стал тонуть, и команда решила стариков немощных выбросить за борт. Тогда молодые встали как один и выбросились — чтобы старики могли доплыть. Какой гордый народ был, как уважал старость! А сейчас — дома престарелых.

В Сирии сто тысяч адыгов, рассказывает Юсуф, в Иордании, на Украине, в Израиле, Ливане... Во французской армии существовала черкесская военная ассоциация. Охранники в Иордании все ходят в черкесках. История такая: в свое время, когда зарождалось государство Иордания, черкесы взяли под свою защиту будущего правителя, поселив его в своем ауле; сам же аул со временем превратился в столицу — Амман. И вот в знак признания черкесская гвардия стала официальной охраной во дворце короля и носит черкесскую национальную одежду. Такое отношение к черкесам. Они очень

¹ Дольмены — древние погребальные и культовые сооружения, сложенные из больших камней.

преданны, для них служба является делом чести. И такими человеческими ресурсами Россия пренебрегала...

Мы поблагодарили хозяина и вышедшую к нам красивую женщину — хозяйку, которая готовилась к своему дню рождения.

Попрощались и поехали дальше.

Разные источники сходятся на том, что в первой половине девятнадцатого века численность адыгов вряд ли была ниже миллиона человек. Все русские и иностранные авторы первой половины XIX века отмечали, что земли адыгов были густо заселены и обработаны. Английский офицер, проехавший в 1836 году вдоль берега моря от Адлера до Анапы, в своих «Известиях из земли черкесов» писал: «Плодородные земли на каждом шагу возбуждали наш восторг, и мы должны были удивляться населенности края и множеству селений». Многочисленные аулы, «белые домики которых виднелись среди фруктовых деревьев», зафиксировал примерно в те же годы Джеймс Белл.

А ведь это все еще было в начале вторжения.

К лету 1866 года, четыре года спустя после депортации горцев, когда практически все бывшие аулы и сельскохозяйственные участки заросли молодым лесом, завершены были отчеты государственных комиссий по колонизации края. В них отображена картина еще недавно существовавших террасных полей, садов, виноградников, выгонов для скота, покосов, сохранившихся местами остатков жилых и хозяйственных построек, кладбищ... По этой лоскутной, разорванной картине мы можем, тем не менее, судить о существовавшей еще в общем-то недавно реальной.

Люди жили и трудились повсюду.

Нагорная терраса между реками Псеуапсе и Туапсе была хорошо расчищена и, судя по истребленному состоянию лесов и пахотных полей, как отмечали члены комиссии, «население жило здесь повсеместно». Средняя терраса тоже была густо заселена и обрабатывалась под посевы кукурузы и проса. Горные склоны вдоль реки Кичмай, особенно с правой стороны, «почти сплошь покрыты хлебобобовыми участками».

Приморская терраса была бедна лесом, что говорило об активной хозяйственной деятельности людей. Здесь находилось больше всего фруктовых садов.

Все пространство между прибрежными ущельями было покрыто полями и садами. Бывшие аулы располагались террасами по склону хребта, на плоскогорье, на возвышенных полянах, на плато, где был здоровый климат и людям не угрожали наводнения, по ущельям, притокам рек, край был густо населен...

Читаешь сухие сведения чиновников по исследованию земель захватившей их империи и никак не можешь поверить — ведь это не испанские конкистадоры, уничтожившие древнюю цивилизацию, — это свидетельства недавней (полтора столетия назад) русской истории, которую мы не помним, которой не ужасаемся, не рвем на себе волосы, а продолжаем врать про нее следующим поколениям и гордиться!

После 60-х годов XIX века край скукожился. Адыгов осталось пять процентов. О былом величии напоминали только горы, ледники и снежные вершины Кавказа, древние курганы и загадочные, сложенные из каменных плит домики с отверстием для карликов да густо заросшие черкесские сады...

Лаго-Наки

Приближаемся к цели путешествия этого дня. Плато Лаго-Наки на высоте 2000 метров над уровнем моря. Название — соединение двух имен, женского и мужского. По легенде, парню и девушке запрещали быть вместе, и они убежали. Их преследовали. Они предпочли остаться друг с другом и погибли...

Каменная дорога над пропастью — и вот оно, плато Лаго-Наки, не ровное, а как бы вздыбленное. Выпуклости, объемы. Плато защитного цвета, не поросшее

лесом, но и не голое, и что-то в нем есть... рисунки какие-то удивительные, таинственные знаки. Скалы проткнуты редкими деревьями. Получше присмотришься — спускаются березы, потом ряд аллей, дорога, тропа поднимается на плато и теряется в складках. Да, оно все в складках. А в складках что таится? В складках плато, в складках гор, в складках жизни?

Слева на скале сердечко и обычные надписи современников: «Я люблю Юлечку», «Вовчик, я люблю тебя!»

Несмотря на граффити, вид у плато нерукотворный, нетронутый. Лай собаки доносится откуда-то из поднебесья — там нет населенных пунктов, какой-нибудь табун пасется...

На плато падает божественный свет. И проносятся самолеты. «Это военные, — поясняет Махмуд. — Московское начальство с отдыха летит, там у них дача. Когда была Олимпиада, вытравили всю живность, чтобы зря не реагировали датчики...»

Господи, думаю я, кого создал ты?

На обратном пути делюсь с Махмудом Каратабаном впечатлениями. Только слепой не видит, что Россия — это богатство не кучки временщиков, а народов, этносов — каждый неповторим. Нужно ли стране это богатство?

Махмуд считает, что в центре совершенно не учитывают предназначение национальных республик. Для чего нужны субъекты? Что они вносят? Их ведь рассматривают как обычные области и навязывают идеи, которые противоречат сути национальной республики.

Например, федеральный перечень учебников. «Какая необходимость, — говорит Махмуд, — включать в него национальный язык, если он должен проходить ту же экспертизу, что учебники математики? Кто в Москве будет экспериментировать с адыгейским языком?»

Те же, думаю я, кто экспериментируют со всей страной.

Махмуд: «О маминой истории. Она закончила инъяз, ради нас пошла работать в детсад, потом в школу. Пришла в седьмую школу, не адыгейскую, в качестве преподавателя продленной группы и ужаснулась полной пустоте относительно всего адыгейского в программе. Доросла до автора учебников, до руководителя методического объединения, до заслуженного учителя. Она как учитель национального класса придумывала разные мероприятия, привела к детям старика, который знал эпос о нартах, историю, древность. А тут зашла завуч, и вот ее реакция: "Ну, адыги — это не самая древняя культура на Кавказе, армяне древнее". Она этими словами показала не нейтральное отношение, а именно отрицательное...» — говорит Махмуд.

Под флагом приведения в соответствие с законами РФ происходит выветривание всего, что есть особенного в Республике Адыгея.

«Да, — говорит Махмуд, — у нас есть парламент, есть флаг, да, прописано, что адыгейский язык является государственным наравне с русским. Но нет такого простого закона, чтобы глава республики знал адыгейский язык. Нет права самостоятельного определения регионом хотя бы компоновки учебника, программы по родному языку...»

Тонкости национальной культуры

В доме Махмуда Каратабана я познакомился с его родителями. Папу зовут Анзаур Махмудович, а маму Асиет Юнусовна. Она — заслуженный учитель республики, пишет учебники адыгейского языка для русскоязычных школ и начальных классов. В Адыгее много лет занимаются по ее учебникам. Дедушка Махмуд, инвалид войны, тоже был учителем. А внук язык сам выучил.

— В аулах, — рассказывает Анзаур Махмудович, — много русских людей. В школах — русские классы. В маленьких аулах еще говорят на родном языке, а в больших и в городах вроде Адыгейска, куда свезли людей из затопленных аулов, — почти не говорят.

(Их невестка, кстати, говорит и по-русски, и по-адыгейски, но с детьми — по-русски.)

— Мой аул затопили, — говорит Асиет Юнусовна. — А какой красивый был аул, Ленинохабль... Малая часть культуры осталась. Даже как свадьбу играть, не помнят.

— Идет свадьба, — напоминает папа, — в середине отец, дедушка, с двух сторон дети. Младший — с краю, чтобы старший, если понадобится, мог его послать за чем-то. Когда гостей сажают за стол, один человек не садится, оставляет место для самого старшего — кто бы ни пришел, князь или пастух, всегда уступали место.

Женщина не может перейти перед мужчиной дорогу. Мужчина проходит, разворачивается к ней лицом и ждет, пока она не перейдет.

Сидят в комнате отдельно старшие, отдельно младшие. Старший брат может позвать младшего, тот стоит у двери...

— Все это ушло?

— Наше поколение еще соблюдало. Вот парень закурил — и сразу бросил сигарету. Почему? Старший брат едет.

Отец Махмуда живет в доме с невесткой, но они не встречаются, обходят друг друга. «А если ей что-то нужно?» — «Через жену или сына. Но это редко...»

Со свекровью еще сложнее — та не встречается с сыном, если он с невесткой. Только по отдельности...

Может показаться — странные обычаи. К чему они сейчас?

— А чтобы понять, что хорошо, что плохо сегодня, надо знать свою культуру, историю, — замечает мама Махмуда.

— По-адыгейски объясняться в любви нельзя было, стыдно, — добавляет ее муж. — А по-русски можно. По-русски писал любовные письма.

— Открыто о любви не говорили, — подтверждает жена. — Иносказательно. Или вот пришел свататься жених, — погружает она меня в тонкости национальной культуры. — Невесту спрашивают: где ты хочешь, чтобы тебя похоронили — у тебя под окном или?.. Она поняла: если у себя под окном, значит, остаться старой девой.

— Еще обычай был, — подхватывает ее муж, — что-то натворил, идешь, встречаешь старика. Тот говорит: скажи отцу, чтобы он тебя наказал. И я сообщал. Отец был инвалид, мне приходилось самому к нему подходить, чтобы он ударил.

Адыгам был привычен синкретизм, смешение религий. С IV века — христианство, с XIV-го — ислам...

Дом Бога

Купцы, коммерсанты, путешественники, ученые, начиная с «отца истории» Геродота и выдающегося античного географа Страбона, подробно описывавшего Кавказ, стремились больше узнать об этой таинственной «стране гор». И первое, что обнаруживали, — невиданное гостеприимство.

Кунацкая — дом Бога. Гость считался его посланником, в этом доме было все самое лучшее — постельные принадлежности, музыкальные инструменты, оружие. Двери не закрывали, мог зайти каждый.

Гость слезал с коня, и по тому, как вешал кнут, хозяин понимал, сколько тот пробудет в доме. Если у выхода — скоро уедет, надо быстрее готовить еду. А если подальше от двери — приехал надолго. Тогда хозяева резали барашков, приглашали соседей. По вечерам пели песни, развлекали незнакомого гостя, три дня ни о чем не спрашивали.

Леонтий Люлье, кавказовед, хорошо знавший психологию горцев, в том числе, черкесов, писал: «Горцы любопытны как и все вообще люди, но они считают нарушением правил гостеприимства всякий вопрос, на который гостю было бы трудно

или неприятно отвечать. Путешественник без нарушения приличий может хранить молчание обо всем до него касающемся».

А русский офицер Ф.Торнау, находившийся в плену у адыгов в 30-х годов XIX века, описывал, как его содержали: «...В кунацкой господствовала старинная турецкая роскошь, обнаруживавшаяся во множестве серебряной посуды, золоченых чаш, ковров, парчовых тюфяков, бархатных одеял...»

Пленный гость «...был поражен разнообразием подававшихся блюд. Их так много, что не успел пересчитать. Обед состоял из вареной баранины, говяжьего отвара, разных яичниц, молока десяти различных приготовлений, вареных кур с подливкою из красного перца, жареной баранины с медом, рассыпного проса со сметаною, буйвожьего каймака и сладких пирожков, но число напитков было ограничено, черкесы не пили вино, водку, так как запрещено Кораном».

Дочь хозяина, изумительной красоты («никогда не видел подобных глаз, стана»), «покраснела, улыбнулась и, молча наклонившись к моим ногам, налила на них воды, покрыла полотенцем и пошла к другому исполнять свою гостеприимную обязанность».

Принимая гостей, черкесские женщины не скрывали лица, не носили паранджу, находились в мужском обществе, плясали с молодыми людьми и свободно ходили в гости, но, конечно, с наступлением темноты только в сопровождении родственника-мужчины — брата, отца.

Когда гость уезжал, его провожали за пределы села, помогали сесть на коня и стояли долго, глядя ему вслед.

Крепостного права не было.

Жилища богатых не сильно отличались от жилищ бедных: дом, хозяйственный двор, дом для гостей. Выращивали хлеб, девять сортов проса. Уходя на войну, сеяли глубоко, вернувшись, можно было спастись от голода.

Было разное скотоводство — в горах, предгорье и на равнине. Знамениты породы черкесской лошади. О ней говорили: *в горах — лань, на равнине заяц, вынослива как бык, сильна как медведь*.

Пользовались лодками, выдолбленными из ствола дерева. Те, кто жил на побережье, отправлялись в плаванье на легких галерах из бука, с двумя десятками гребцов.

Во время охоты передвигались по снегу на овальных, с двумя ремешками, снегоступах.

Традиционные для костюма черкеса «газыри», в которых хранили порох, вначале были кармашками для съестного. Отправляясь в путь, в них клали вареное мясо и перетертый горошек, а во время походов разбавляли водой.

Спали на циновках из «рогоза» — болотистого растения. Ребенок первые шаги делал на циновке, ее клали на пол и на кровать. С приходом ислама стали делать циновку шестиугольной формы с треугольником для наклона головы во время молитвы.

И для тех, кого отправляли в последний путь, тоже была своя циновка, чистая циновка в углу — без нее, считалось, душа будет маяться...

Тени прошлого

Как вся отечественная история, трактовка тех событий многократно пересматривалась, в зависимости от политической конъюнктуры.

До 1950-х годов борьба с Российской империей горцев Кавказа, адыгов в частности, признавалась прогрессивным национально-освободительным движением. Во время Великой Отечественной на средства, собранные жителями Дагестана, была построена танковая колонна, названная именем Шамиля — человека, который за сто

лет до того возглавил сопротивление горцев Чечни и Дагестана завоеванию Российской империей. Но уже в 1944 году чеченцы и ингуши были заклеены предателями и врагами народа и депортированы.

В 1950 году Сталин публично одобрил тезис «о реакционном, националистическом и агентурном» характере освободительного движения северо-кавказских народов, которые, как выяснилось, находились «на службе у английского капитализма и турецкого султана».

В хрущёвскую оттепель исторические оценки снова поменялись. Всесоюзное совещание историков признало борьбу горцев национально-освободительным и антиколониальным движением. Потом эта тема заглохла лет на сорок. По отношению к тем событиям было наложено табу не только на словосочетание «русско-кавказская война», но и вообще на понятие «война». Изредка говорили «так называемая Кавказская война».

Закройщик

В Майкопе, в филиале Музея Востока, находится мастерская и экспозиция работ оригинального художника Юрия Сташа. Коллекция его костюмов-картин называется «В мире мифов и реальности».

Сташу далеко за восемьдесят, но в глазах светится огонек. Про таких говорят: у него искра божья.

— Прикладным искусством я занялся в восемьдесят первом году, а в восемьдесят девятом показал костюм «Тыргатао». Это миотянская царица. Она имела связи с греческими колониями в Крыму и вышла замуж за грека. Через год я сшил костюм ее супруга — «Гекатей». Этими вещами я хотел сказать, что у адыгов древние связи. На основе этих костюмов даже поставили танец.

И вот после того как я создал эти два костюма, меня пригласила в США адыгейская диаспора — помочь сшить костюмы для национального ансамбля. Я пробыл там три месяца. И мне повезло — в Вашингтоне, в Институте древнего Востока, я вместе с костюмами для адыгского ансамбля выставил эти два. И около ста преподавателей университета собрались на выставку.

Моим переводчиком был знаете кто? Генерал авиации иорданских военно-воздушных сил Кашоков — потомок участников русско-кавказской войны. А в Иордании я сидел за столом, где сидели восемнадцать потомков генералов...

И реакция людей на мои костюмы побудила меня продолжить это занятие. Я решил рассказывать с помощью предметов декоративного искусства об адыгейской культуре, адыгах, о том, как они понимают мир. Потому что незнание культуры соседей рождает настороженность и страх. Человек хочет поехать в Адыгею, а услышит: «Северный Кавказ» — и ему страшно. Сегодня культура важнее даже экономики.

У меня среди друзей русские, армяне, грузины, азербайджанцы, евреи... Значит, можно сближать людей путем культуры. И нужно. Может быть, громко сказано, но я хочу своими работами, через искусство, передавать радость, свет. Таинство даже...

Вот это платье — символ. Женщина руки опустит — обычное платье, синее, поднимет — превращается в дерево, а спиной повернется — черное, плачет, — поясняет Юрий Махмудович Сташ свои удивительные костюмы-творения. — Это предупреждение, — говорит он, — в течение минуты — лекция об экологии...

У адыгов отношение к природе какое? Раньше, когда человек рубил дерево, он говорил: прости меня, я посажу другое. Осенью и весной шел в лес с прививкой, и появлялись знаменитые черкесские сады. Бабушка мне рассказывала: когда дети рвали зеленую траву, им говорили: «Зачем рвешь бороду своего дедушки?» Когда

охотник шел на охоту, нес три стрелы: на летающего, бегающего и плавающего. Если не попадал — все, больше нельзя.

Сташ показывает развешенные по стенам музея вещи.

— Это мужской костюм — Стахемфак. Я соединил здесь римское и восточное. Во втором тысячелетии до новой эры территорию от Гагры до Новороссийска населяло племя зихов. Стахемфак был их полководцем и подчинялся Римской империи.

А это из нартского эпоса...

С накидкой — женщина. Родовые знаки, «тамга» — мои, те вот — моей супруги, а эти — моей бабушки... Такая история: враги окружили село, предложили, чтобы не проливать лишнюю кровь, пусть встретятся силачи. Если побеждает ваш, мы уходим, а наш — забираем всех женщин и девушек.

Один молодой человек из этого села сильно переживал. А бабуля говорит: не переживай, на днях наша невестка доила корову и перебросила ее за рога через забор...

И пришла худенькая такая, в мужском костюме девушка и в единоборстве подняла силача и бросила в реку Бахсан. Сняла головной убор, волосы рассыпались по плечам, и они увидели молодую женщину. Дали ей коня. И она вернулась на коне, а предводитель со своим войском ушел с миром...

Можно сказать, что произведения Сташа — оригинальная, через картины-костюмы интерпретация вечной темы «войны и мира».

— Вот карта, так начиналась Великая Отечественная война. Немецкие офицеры на границе Северного Кавказа, на краю — черная земля, силуэты... Символическая дверь в Москву, видите, ручка? Свастику растоптали советские солдаты. А это символ победы — черкеска с крыльями. Я говорю пришедшим с войны: спасибо, люди, вернувшие солнце...

А тут скрипичные ключи, видите? Сам не знаю, почему увлекаюсь скрипичными ключами, — чтобы музыка звучала...

Я ночью просыпаюсь — что сделать? Думаю, учить с малолетства творчеству. Культура должна восхищать, изумлять, чтобы у человека негатив уходил из головы.

Он сидит в маленькой костюмерной, завешенной еще не законченными своими божественными костюмами, и кроит, кроит материю...

На столике старая советская швейная машинка.

— Друзья встречают: «Юра, как дела?» Говорю: дальше будет лучше... Не жалуйся на время, ты в нём родился. Голда Меир сказала: пессимизм для евреев — роскошь...

Ветви чести на древе человечности

Плакат в школьном вестибюле: древо человечности, от которого исходят ветви — честь, почтительность, разум, мужество. Кодекс адыгско-черкесской чести, а под ним: «Ими гордится наша школа».

Заметим: гордятся не отличниками, не знаменитостями, а не уронившими честь и достоинство.

«Учись у жизни и для жизни», — написано на плакате.

Поговорил со школьниками: Хазрет, Адам, Ислам, Суанда, Саида... «Чем занимаетесь после школы?» Один хрупкий мальчик — тяжелой атлетикой, берет 75 кг в толчке, 55 кг — в рывке. Другой, крупный парень, берет рывком 120 кг, толчком — 155. Третий вообще кандидат в мастера спорта, учится хорошо, собирается стать врачом.

Айфоны у всех под боком, часа два в день в поисковиках, в сетях.

Для девочек из спортивных секций только волейбол. Зато дома — овцы, индюшки,

четырнадцать бычков, двенадцать коров, аппарат для доения. «Нет, доить не разрешают. По обычаю нельзя до замужества».

В семьях от двух до четырех детей, отношения со старшими сестрами и братьями — как с родителями: «прислуживаешь». С младшими играют, купают, в люльке качают, сказку рассказывают и каждое утро в садик провожают.

Русский язык с первого класса. Английский со второго. История? Самое радостное? Царизм свергли. Началась новая жизнь, стали все равны. Гражданская... Могли бы и без войны. 30-е годы — голодали, вымирали. «Почему?» — «Сильные засухи были». — «А про Гулаг что-нибудь слышали?» Не слышали. Репрессии? Не слышали. «Про лагеря слышали?» — Не слышали...

Солженицын — к концу 11-го класса.

На окрики взрослых дети никогда не отвечают. Почему? «Это с материнским молоком, в генах», — сказала директор школы.

Непроданный Пегас

В Национальном музее Махмуд познакомил меня с научным сотрудником отдела археологии Асланом Ахмедовичем Товом. Поедем с ним на курганы. «700 тысяч лет люди здесь живут, — говорит он. — Археологическая Мекка, есть что исследовать и раскапывать...»

Археолог Аслан Ахмедович — очень увлеченный человек. У него загораются глаза, когда он рассказывает о найденных сосудах, сокровищах, о дольменах, которые и я излазил в Краснодарском крае — такие каменные сооружения с дырами, уходящими бог знает куда, приложишь к дыре рот — и звук невыразимый, гулкий, похоже на фагот или тибетские трубы. Внутри пространство сужается, так что если залезешь, обратно не вернешься. Где-то я читал, что в эту дыру влезал человек, чувствовавший, что жизнь подходит к концу...

— Первые дольмены, — сообщает Аслан Ахмедович, — были исследованы в XIX веке, во время Кавказской войны — среди русских военных были ученые. С тех времен из более чем двух с половиной тысяч дольменов уцелело полтораста. В советское время много поломали. Поля кругом колхозные. Давали команду сеять — и древние дольмены сносили с лица земли...

Но бывают и поразительные находки. Большой майкопский курган раскопал в 1897 году профессор Веселовский, а годом раньше он же — вблизи Белоречья. («Внутри нашли сказочные вещи. Тончайший узор, все выгравировано, удивляешься, как это сделано. Знаменитые кубачинские мастера пытались повторить — не смогли».)

Курган Веселовского был огромным святилищем, и по методам того времени нанятые для раскопок мужики докопались до погребения. В южной камере лежал присыпанный охрой скелет, видимо, женщины: на ней разные украшения, на голове диадема, на груди больше тысячи бусинок из золота, драгоценных камней, золотые бычки, цельнолитые...

В ауле Уляб мы раскопали сорок захоронений. Рядом с четвертым курганом нашли предметы и останки бога войны — по описаниям Геродота, один в один.

Аслан Тов нашел на том месте удивительные вещи. Раскопал меч, а тот спружинил. Двадцать пять веков прошло, а спружинил!

Каждая вещь бесценна и о чем-то нам, потомкам, говорит, чему-то учит.

— А колокола! Пять колоколов бога войны — они за плахами лежали, проржавленные. Что удивительно, языки были замотаны в тряпки — чтобы больше не звучали.

Смотрите, — показывает Тов музейные экспонаты, — карта Северного Кавказа,

сделана пять с половиной тысяч лет назад. Из тех же времен — самая древняя колонна мира, каменный земледельческий календарь.

Две ночи мы здесь возились, — говорит о гробнице. — Внутри нашли скелет, оружие и нарисованных тарманов — диких лошадей.

— Охра?

— Неизвестно... Знать бы. За четыре с половиной тысячи лет не поблекли. Это в станице Новосвободской, урочище «Клады», курган 28. В 1982 году работали, самый удачный был сезон...

А на водохранилище, когда вода отходила, Аслан Ахмедович тоже копал, и нашел более десяти поселений эпохи бронзы, и исследовал четыре. Люди жили в однокамерных жилищах. Несколько хозяйственных ям использовали отдельно: для хранения еды, одежды, посуды. Нашли в поселениях маленькие скульптурки домашних животных.

— Быки, олени изображены упитанные, — говорит он, — видимо, таких хотели иметь.

Земледелие не уступало охоте и животноводству, в одном поселении откопали более пятисот орудий. На месте впадения в водохранилище реки Псепоне Аслан Ахмедович нашел самый большой могильник Северного Кавказа... все культурные слои, 5000 лет.

Едем на курганы в Красногвардейский район. Это километров сто, а вся нынешняя Адыгея, по подошве гор — сто восемьдесят.

Приближаемся к Гелермесской станице. Здесь копали еще до революции. Первые раскопки проводил не археолог, а горный инженер Шульц — раскопал и стал продавать... Профессор Веселовский настоял, чтобы у него отобрали разрешение, так называемый «открытый лист».

Сто лет спустя дело Веселовского продолжил Аслан Ахмедович. В ауле Уляп обнаружил амфоры. Сосуд «пегас-ритон», и другой, в виде рога, на острие — голова пантеры.

— Первый сосуд я нашел в восемьдесят первом году на глубине шестидесяти сантиметров, — рассказывает Тов. — А второй — немного глубже. У этих людей, живших тогда, видимо, были поминки. Тризна. То, что использовалось, не уносили. Закопали и ушли. Чего там только не было! Посуда, оружие, украшения, ритуальные предметы, античная керамика, чернолаковая и краснолаковая. Это были миоты.

И с того времени на Кубани стали находить миотские святилища, начиная с середины I тысячелетия до нашей эры. «Этим сейчас занимается Владимир Роальдович Эрлих, доктор наук, — сообщает Тов. — А почему греки? Адыги торговали с греками, а если торгуешь, то дружишь. И адыги позволили грекам построить города на побережье. Отсюда вывозили зерно, кожу, мед, а оттуда — дорогие вещи, оливковое масло, вина в амфорах. Вот такое мирное сосуществование и сотрудничество...»

Несмотря на преклонные лета, Аслан Ахмедович бывает за лето в двух-трех экспедициях. Проводит разные исследования. Железный век изучает с сотрудниками московского музея Востока. Палеолит — вместе с питерцами. С ними же — бронзовый век, дольмены.

— Вон, шикарные курганы у реки, — показывает. — Река называется Джэгъу. Означает адыгскую меру длины — «расстояние окрика».

Он помнит каждую свою находку, а эту в особенности.

— В восемьдесят первом впервые в Адыгее работала экспедиция музея Востока. Недалеко от Адыгейска раскопали девять курганов. В том году я работал и учился в пединституте на филфаке, потом на истфаке. Я много и долго учился и работал на водохранилище, находил разное — от каменных орудий до золотых вещей.

Руководитель экспедиции, профессор Александр Михайлович Лесков увидел и заинтересовался. И спросил нашу директрису музея, откуда, а та сказала: да какой-то

настырный парень приносит. Лесков захотел встретиться. И вот в назначенный день приезжаю, он меня спрашивает о находках, а наша директриса вытаскивает из-под стола помятый котел. «Откуда?» — «Да вот, плуг выпал».

И руководитель экспедиции Лесков начинает работу, и, можно сказать, на поверхности, тридцать-тридцать пять сантиметров глубины — находим... оленей шагающих, головы из золота, амфоры в виде руки, ноги... Тогда Лесков возвращается в Москву, достает на раскопки двести тысяч рублей, и в следующем году на глубине шестидесяти сантиметров обнаруживаем два кубка-ритона¹. Один — золотой, в форме рога, а другой — в виде крылатого коня. Ритон «Пегас» — сейчас он в Эрмитаже.

Страховая стоимость не менее 50 миллионов долларов. Арабский шейх выкладывал бешеные деньги. «Но не продали», — с гордостью сообщил Аслан Ахмедович.

Мы добрались до аула Уляп. Место, куда мы с Товом заехали, — необыкновенное. Шестьсот сорок памятников археологии, курганы, посёлки, крепости, городища, могильники по реке и прилегающим территориям...

Посмотришь — обыкновенные поля. Курганы стоят. А это — машина времени, путешествие в невообразимую историю. И одно дело, если по рассказам, а другое — когда сам что-то находишь...

— И что самое ужасное, — говорит археолог Тов, — на памятнике глину копают, устраивают, видите, мусорную свалку. Это же — кладбище...

А адыги никогда не раскапывали, — продолжает он в полевых условиях свою замечательную лекцию. — Адыги почитали захоронения, что своих, что чужих. И когда проходили мимо кургана, кладбища — останавливались и читали молитву. Это мне бабушка рассказывала. Всадники спешили и шли пешком, ни в коем случае не на лошадях.

Мы на знаменитом Ульском кургане.

— Вот, смотрите, отсюда землю берут. Раньше немыслимо было из могилы брать землю и приносить себе домой на хозяйственные нужды! Народ, который имеет такие всемирно известные памятники, не понимает их значения.

Но в последнее время в сознании что-то сдвинулось. Люди приходят к кургану, выкладывают ритуальную еду, воду, и молодёжь берет с собой.

Что самое главное в раскопках? Обнаружить древний артефакт, зарисовать, записать, сфотографировать, упаковать и потом уж в лаборатории, в музее — исследовать. А раскоп земель закрыть.

Главное — не в том, чтобы раскопать, — говорит археолог. — Самое главное — ничего не сдвинуть с места.

Только джэгу!

В ауле Аляп все школьники занимаются в фольклорном ансамбле. С удовольствием танцуют. Раньше молодёжь не знала национальных танцев, а сейчас затанцевала. «Асса!» «Здорово танцуют», — говорю молодому хореографу Зарине Ураковой.

Танцевали 6—7-е классы: девочки из шестого, мальчики из седьмого — чтобы одного роста. Потом танцевали девятиклассницы — высокие девушки. А за ними на сцене уже профессионалы. «Это в крови у нас, — объясняют мне, — станцевать джэгу...»

— Аул очень музыкальный. Когда мы раскапывали тут курганы, — подтверждает археолог Аслан Махмудович Тов, — гармонистов в ауле было не меньше двадцати человек.

¹ Широкий воронкообразный сосуд для питья в виде опущенной вниз головы животного (собаки, барана, козла, лошади) или человека. Ритон часто завершался скульптурой в нижней части и украшался рельефами и гравировкой.

— У нас и дети наигрыши играют, — добавляет учительница танцев Зарина. — Раньше дискотека была. А сейчас по субботам — только джегу. Они не знают, что такое медленный танец, белый танец. Джэгу!

Это очень быстрый танец, известен со времен нарттов. На свадьбе соревнуются в танце. Она, когда обучает детей, рассказывает об истории танца, дети зарисовывают, стихотворения учат. Интересы у ребят разные: джаз, рэп, может быть, даже попса. Но сам факт, что не дискотека... «Раз были в Тамани, наши ребята джегу устроили, и казацкие девочки танцевали, и мальчики...»

Древний адыгский танец джегу чем-то напоминает шотландскую джигу. Разные народы, а танцы похожи...

Адыгэ хабзэ

В доме культуры, где мы беседуем, подошёл человек, показал золотое шитьё, кручёные нитки VI — IX века.

— Четырнадцатого, — уточнил археолог. — Узоры просматриваются.

— Ребята, которые танцуют, они и шьют. У нас костюмерные есть. Нам хочется вам все показать, — говорит Светлана Шовгенова, руководитель школьного кружка по археологии золотого шитья.

Под занавес встречи — гостеприимное застолье. Я извинился и переписал угощения — тоже ведь культура.

Халуж (типа чебуреков с сыром). Сушёный сыр — брали с собой в дорогу. Паста из кукурузы и пшена. *Нэкуль* — из говяжьих внутренностей (типа домашней колбасы). И хмельной напиток «*бахсым*»...

Археолог произнес тост:

— Раньше, — сказал он, — молодые адыги не пили — только боги. Собрались боги на горе Эльбрус, пригласили одного человека, героя нартского эпоса. И вручали ему ритон, рог зубра, с белым вином. Он выпил. «Замечательно, — сказал, — давай второй». Боги сказали — простым людям мы наливаем только один рог, второй смертным не полагается. А тот был не робкого десятка. Увидел кадку, пнул ногой, и вместе с вылитым вином разлетелись винные косточки по всей Адыгее — вырос виноград. Поели его люди и спрашивают стариков: что делать из винограда? Те отвечают — вино. И стали адыги вино пить. Но всегда с благопожеланиями.

Я хочу выпить за то, — завершил свой тост археолог, — чтобы у нас и наших родителей сбывались все благопожелания. Хочу пожелать адыгам жить тысячи лет и сохранять *адыгэ хабзэ* — образ жизни, поведения человека в обществе. Чтобы он передавался детям, чтобы мы его передавали....

Рог был выпит, а дальше, как обычно в застолье, пошло в разную, о разном. Вот что запомнил.

История о футбольной команде, приехавшей в Адыгею из Израиля, их встретили на границе республики, оказалось, что они из Кфар-Кама и Рейхания — черкесских аулов на севере Израиля — и язык знают великолепно.

О тысячах адыгов, появившихся в Турции после русско-кавказской войны и осевших там.

О черноморском побережье, которое прежде было адыгским...

Говорили и говорили.

В Адыгее говорят: «Приход гостя — дело его, а уход — дело хозяина».

А хозяева улыбаются, не спешат.

Счастливый лес

Север — равнина, юг — горы, плато Лаго-Наки. Границу Адыгеи чертили когда-то по линии компактного проживания адыгов. Потом меняли очертания. Очень странная получилась конфигурация...

Летом до 40 градусов, зимой — редко когда ниже 20. Снег лежит недолго, в основном — слякоть. В тринадцатом году, в декабре, около Минсельхоза сирень расцвела. А ближе к водохранилищу — туманы...

Мы с водителем Владиславом отправляемся на северо-запад, в Теучежский сельский район. Места здесь плодородные. «Говорят, во время войны в Гиагинском районе немцы землю вагонами вывозили», — сообщает водитель.

Шаг в сторону — Краснодарский край, совсем другая стилистика. Сухой подсолнух, комбайны выбивают семечки. Поля, окаймленные лесополосами. Кукурузное поле, золотистое. Черно-зеленое — подсолнечное. «Бригада №1» — метка колхозно-совхозного строя.

Рыночек с сыром, укрытым марлей. Это уже нырнули обратно в Адыгею. Подъезжаем к райцентру Понежукай. Дети в белых рубашках с ранцами за плечами.

Директор школы Борис Панеш много лет интересуется краеведением. «Как бы вам сказать, — объясняет свой интерес, — просто любознательность. Как можно жить и не знать, где ты живешь?»

— Вот, — показывает аул, — основан в сто девяносто пятом году нашей эры. Называется Нешукай, по имени князя, который тут жил. Здесь старое русло реки Марта. И родниковая вода, холодная, «вытрезвилкой» в шутку называют.

Этот аул в зону затопления не попал. Но природа, ландшафт изменились, исчез уникальный мир...

Возит меня, показывает, что осталось.

Остановились у обелиска. «Это, — говорит, — в честь людей из аула Нешукай, в восемнадцатом году погибли от красного террора. За то, что перекрыли красным дорогу маслобойками».

Издали посмотришь — черные, из чугуна, стоят пушки. «Но это не пушки, у них пушек не было. А у красных были. И в ауле Габукай, и в станице Вековечной — столько людей погибло...»

Его деда раскулачили. Пришли, а в доме железная кровать — одиночник...

А в Тауйхабль (основан в первом веке нашей эры) — «аул князя», где жили мирно себе люди, овцы, индюки, — пушки не попали. Зато он попал в зону водохранилища. Мы подъезжаем к месту, где затопили Тауйхабль и другие аулы. «Ну, — говорит Борис Мушриевич, — полного обзора не будет, но вот...»

Смотрю на мертвую чашу водохранилища и слушаю.

Восточнее одного из аулов, в четырех километрах от него, был лес Мезмаф. Местные жители рассказывали, что однажды, во время нашествия врага, люди из аула ушли в лес и долго скрывались в нем. Враг отступил, и люди вышли из леса целыми и невредимыми. С тех пор стали называть лес — Мезаф, счастливый лес.

Он затоплен вместе с аулом. Как затоплены и другие — Шанохабль, Шханмериехабль, Едепсукай, Казанукай, Локшукай...

Имена некогда правивших здесь князей, старинные родовые фамилии.

Когда водохранилище отступает, видны фундаменты домов, бетонные плиты кладбищ (покидая родное место, люди монолитной плитой покрывали кладбище, чтобы не размывало могилы). «Не дай бог никому увидеть, — говорит Борис Мушриевич, — уезжаешь, а мать с отцом затапливает водой. И не знаешь, увидишь ли когда-нибудь еще их могилы».

Я фотографирую Бориса Мушриевича на фоне горькой воды.

Кажется, я начинаю понимать, что представляют собой это и другие водохранилища страны, где затонули тысячи и тысячи аулов и деревень, реликтовые рощи, каповые пещеры с рисунками первобытных людей, мифы и легенды, человеческие судьбы, счастливые леса и расстрелянные народы. Эти водохранилища — огромные кладбища памяти, в них похоронена память — чтобы мы не знали и не помнили. И только когда отступает вода и показываются плиты, прикрывающие отеческие гробы, смутное тревожное чувство будоражит человека, сосет что-то, а что — не помним.

Старый Нечерезий. Память сердца

Он не попал в зону затопления. Восемьдесят шесть семей остались жить на своем месте, в маленьком ауле.

— Когда маленький, — говорят собравшиеся в школе люди, — легче сохранить традиции, уклад, язык.

Здесь нет соцкультбыта, рабочих мест, муниципального автобуса. В этом смысле люди ущемлены. «Но есть, — говорят они, — чистый воздух, гуси, коровы. И обычаи сохранились».

— У нас детей (поясняет школьный директор из аула Нечерезий Мариет Багова) воспитывают не только учителя и родители, но всей улицей, аулом воспитывают. Преступности нет, наркомании нет, сиротства нет.

— Пансионатов для престарелых родителей тоже нет, — добавляет замглавы района Мариет Гаадагель. — У нас даже если некому ухаживать за пожилым человеком, соседи всем миром будут ухаживать, но в пансионат не отправят.

Интересно, думаю я, сравнить этот народ с населением Адыгейска, куда людей из затопленных аулов селили кварталами, один квартал из одного селения, другой из другого. Уже два поколения «квартальных».

— А еще что осталось? — спрашиваю нечерезийцев.

— Могилы предков остались.

В остальном — как везде. На месте некогда процветавшего хозяйства — развалины.

— Что же вас держит, если в ауле, в районе ничего нет? — не понимаю я.

Объясняют:

— Мы, адыги, никуда не уедем. Дом, очаг не оставим. Все равно хоронить привезут сюда...

Да, конечно, но жизнь ведь — не только похороны?

То, чего я не понял, объяснили дети.

Ученик 8 класса школы № 4 Адам Пшипия написал в своей исследовательской работе, вспоминая о братьях Хапай — знаменитых борцах и тренерах, мировых атлетах родом из их аула: «Наши предки не оставили ни храмов, ни крепостей, ни других памятников дворцовой культуры. Но они передали нам в наследство бесценное сокровище — чувство собственного достоинства и высокий генетический потенциал».

Махмуд показывает мне фильм. Горы, орел, люди танцуют под лезгинку. Голос за кадром: «Русско-кавказская война длилась сто один год...» Самая продолжительная в истории Кавказа и России война. Причины разные называют. Но результат — исчезновение целой страны, Черкесии. Адыги никогда не просили защищать себя от других — монголов или Османской империи. А тут — бескомпромиссное уничтожение страны.

(Окончание следует)